

КОШАЧЬЯ ПЕРЕПИСКА

МОИ „МЯО-измы“ и другие нежные воспоминания...

Уезжая в другую страну, люди берут с собой только самое нужное, самое дорогое. Кто – что, потому что кому – что... Поэты – конечно – стихи.

А как быть, если к моменту отъезда (1992 год) ты «натворил» гораздо больше двадцати пяти разрешенных тогда для вывоза килограммов, и у тебя, разумеется, не было персонального компьютера, чтобы сжать всё это в тоненькие диски?

Я рассудила так: поэзия Ольги Бешенковской подождёт okazji из Питера (если, конечно, повезёт – в тот момент уезжали ещё как навсегда), а вот стихотворные послания её... кошки представляют собой несомненную, если не духовную, то уж, во всяком случае, душевную ценность...

И вообще... знаете, почему они мурлычут?

Это они бормочут себе в усы, под розовые треугольнички носиков, кошачьи стихи...

Я думаю, есть в искусстве такое замечательное направление «котаизм», только оно пока ещё мало исследовано. Сюда можно отнести, например, изумительные романы Гофмана и Булгакова.

Наверное, все коты не бесталанны. Просто не всем повезло с хозяевами...

Некоторые граждане оскорбительно суют коту блюдце с кормом, совершенно не интересуясь его, кота, духовной жизнью. (Таких котовладельцев даже компьютерная мышка отказывается называть родителями, не то что капризные, избалованные пушистые члены наших семей...)

...Вот мне и захотелось предложить нехвостатым, если так можно выразиться, читателям некоторые образчики из кошачьей переписки, которая от времени уже пожелтела, как древнеегипетский папирус... В нашем доме кошка всегда считалась священным животным...

Итак, время действия – 1983 год, перед перестройкой...

Действующие лица и исполнители:

Кот Мурр Бешенковский (он же, как вскоре выясняется, – кошка Мура Бешенковская), весьма легкомысленная, дерзкая, острая на язычок особа, по своим политическим взглядам – убеждённая диссидентка, на первый взгляд – нахлебница: часами сидит на деревянной хлебнице, как на пьедестале, но хлеб не ворует...

Кот Атос, отец Мурра-Муры, проживающий у корреспондента «Литературной газеты» по Ленинграду, члена Союза советских писателей (не из вредных), мурлыкающего на всех литературных собраниях и тусовках Ильи Фонякова. В переписке, нельзя не заметить и не отметить, обнаруживает снисходительность и благородство души, спрятанной под обыкновенной котовой «придворной» шкуркой...

Кошка Ляля, мама Мурра-Муры, проживающая в семье члена Союза советских писателей, но неисправимо хорошего человека Гали Гампер. (Не оттого ли так трагична её

судьба: она была зверски растерзана лисой на территории Дома творчества ленинградских писателей в Комарово – Ляля, а не Галя.)

Кот Платон, жених Муры, из хорошей интеллектуальной семьи питерских кочегаров, друзей О.Бешенковской.

Кот Буся – сосед Муры по лестничной клетке, толстый, но проворный и, как теперь говорят интеллигентные люди, «ва-а-ще козёл»...

Итак – кто сказал “Мяу“?...

P.S. «Мяу», необходимо отметить, в ленинградской поэзии первой сказала Зоя Эзрохи, которой я задолго до своей «кошачьей переписки» посвятила стихотворение, начинавшееся так: «Рядовому клиенту ломбарда и кошачьему первопевцу»... Так оно и было: Зоя, по существу, придумала новый жанр, заразивший нас, как игра, захвативший своей пронзительной, пусть даже и «животной» искренностью на фоне советского литературного пафоса, его фальшивой гигантомании... Зоины кошки первыми начали сочинять стихи и назвали свой жанр «Перепиской»... Теперь, когда эта, самая первая, кошачья переписка уже издана, считаю себя вправе обнародовать и произведения благодарных последователей... (Смею предположить, что, как это часто бывает, последователи пошли дальше основоположника: внутренний мир Атоса и Муры богат и противоречив, он раздражает когтями не только специфически кошачьих страстей... Хотя, возможно, некоторая басенность и вредит поэзии, как нравочужения всегда претят воспитанию...)

Жаль только, что после нескольких переездов в Германии я не могу отыскать ещё одну, более позднюю часть переписки, уже моей рыжей кисы Тюни, которой, к слову пришлось, только что исполнилось в Штутгарте двадцать лет, с Василием Слепаковым. (Фамилия, знакомая любителям поэзии...) Вдвойне жаль, потому что это уже невосстановимо – Нонна Слепакова умерла несколько лет назад. Её кот виртуозно играл словами но, кстати, всё время задирает в них Тюню за её «подзаборность», понимай – непринадлежность к официальной литературе... (Как ранее Мура, прожившая всего один год, «царапала» при каждом удобном письменном случае Атоса Фонякова за его, наоборот, к ней, к этой литературе, причастность...)

В ту пору литература в Питере в самом деле делилась на два лагеря: официальная (члены Союза писателей СССР) – и альтернативная, «вторая литературная действительность», как нас тогда называли. Это были, без преувеличения, две разные литературы, разные, прежде всего, нравственно... Отсюда – и неизбежное в те годы противостояние даже талантливых представителей той и другой стороны.

Но вот прошло время, уже два десятилетия, и, перечитывая нашу «кошачью переписку», я ещё раз убеждаюсь, как всё на свете всё-таки относительно... Главное здесь, может быть, как раз в том, что и те, и другие (я имею в виду всех нас, вполне конкретных персонажей) **умели** писать стихи...

Это была игра, только игра, но никто из её участников не позволил бы себе невыверенной строчки, необязательного слова. Хотя стишки и сочинялись как «одноразовые»; ни о каких будущих публикациях речи быть не могло, даже если «кот» считался вполне «официальным», «респектабельным», и другие стихи его владельца печатались беспрепятственно. Эти же произведения предназначались и отправлялись, почти буквально, кошке под хвост...

В наши дни, когда по уважаемому мною с ещё самой ранней юности радио «Свобода» вполне можно услышать стихотворение «У гнома – саркома» (это не название стихотворения, это всё оно и есть, от первой до последней буквы...), когда так называемый авангард стал арьергардом, доводящим поэзию до пещерных бессвязных выкриков и хрипов (я отнюдь не против крика кикиморы, но – не только же он...); в наши дни, когда пишут все, кому только не лень, и безграмотные книжонки захлёстывают «великую русскую литературу» (ну вот и довели её, бедную, до кавычек...), я снимаю шляпу перед кошкой Мурой и котом Атосом и не без тайного удовольствия передаю читателям ими написанное...

*Заведующая архивом кошки Муры и председатель комиссии по её творческому наследию
О. Бешенковская.
Штутгарт. 2005*

МУРА Бешенковская – АТОС Фоянков

«Кошачья переписка»

Мурр - Атосу

Атос!

Меня назвали Мурром
/Виною гофмановский кот/
Под важным, пышным, чернобурым
Дрожит мой щупленький живот
Так, впадинка... /Ни мех, ни имя
Не скроют нашей наготы.../
Итак, воззреньями своими
Пренебрегать, как все коты,
Не вправе я, – лизун варенья,
Хозяин, братец мой старшой,
Всё ждёт, когда свои творенья
Я изложу со всей душой...
Ну что ж, одно из них – про папу...
Вот у него – отец и мать,
А я ночами должен лапу
В тоске по родичам сосать...
Бывают сложные моменты
И у котов, и у людей,
Но люди платят алименты
На обездоленных детей...
Конечно, мне хватает рыбки,
Но я не прочь вкусить икры,
Лишённый маминой улыбки
Подкидыш папиной игры...
Вчера, затолканный в кювету
/О, сколько ханженских оков.../,
Я начал писать в «Литгазету»
/Пардон, топ scher, но важно это/ –
Увидел подпись: «Фоянков»...
И вспомнил я, что слышал где-то,
Настроив ушки, как радар,
Что ты у этого поэта
Живёшь на твёрдый гонорар...
Отец! Минтая доедая,
Бредя в морфейные края,
Вспомни: в мире есть худая
Ночная копия твоя...
Ты бросил нас незрячих, босых,
Но я тебя боготворю.
Будь благородным! Будь Атосом!
О маме я не говорю:
Прелюбодейка, и в итоге
Животных изменных страстей,
Как древнегреческие боги,
Готова жрать своих детей –
Мы ей мешаем в новых встречах:
У мамы Ляли вновь ля-мур...
...Мужчины всё же человечней...
Жму лапу. Жду поддержки...

Мурр.

Атос – Мурру

Ушастый чёрный мой сыночек!
Послать могу я, наконец,
Хоть несколько душевных строчек
Тебе, как любящий отец.

А в чём причина промедленья –
Тебе поведаю сейчас.
Пусть прозвучит как наставленья
Мой драматический рассказ.

Беда обрушилась на папу:
Подбили папе камнем лапу –
Травмировали, так сказать,
И эту раненую лапу,
А вместе с ней, конечно, папу,
Решил Хозяин эскулапу –
Ветеринару показать.

Вовек не знать бы этой доли!
Меня поставили на стол,
И я едва не взвыл от боли,
Когда мне сделали укол.

Но нет, не взвыл: ведь я мужчина –
Молчал, достоинство храня.
И призываю нынче сына:
Во всём бери пример с меня!

Знай, сын мой: мир велик и сложен,
Друзья живут в нём и враги.
Будь смел, но вместе – осторожен,
А хвост особо береги...

Будь чаще бодрым и весёлым,
Держи трубой всё тот же хвост,
А в обращеньи с дамским полом
Будь обаятелен и прост.

Хоть говорят, что по натуре
Непостоянны мы, коты,
Я рад во всей твоей фигуре
Увидеть мамины черты.

И не суди о ней превратно:
У нас любовь была всерьёз,
Причём, уже неоднократно...
Жму лапу.

Твой отец.

АТОС

12 июня 1983 г.

Мура – Атосу

О Атос, я – последняя дура,
Или скажешь мяукать «ура»
Оттого, что не Мурр я, а Мура,
Как доказано было вчера:
Были эксперты очень серьёзные,
Непредвзято глядели под хвост...
И сказали, что каяться поздно
И что случай достаточно прост...
Случай сам себя чувствовал Мурром
И на прочность, ленив и незван,
Ястребиным своим маникюром
Проверял философски диван...
Я мечтал об эссе и о рыбке,
Кот в мешке... Развязался мешок –
И хозяев кривые улыбки
Прошибал генетический шок:
Всколыхнулась давнишняя драма –
Ровно тридцать бессонных ночей
Здесь гостила любезная мама,
Репродуктор любовных речей...
Головные звенящие боли
/Дай кота – хоть пали из ружья.../
...Начиталась античности, что ли,
Развратившая сына в мужья,
Обольстившая пол-Комарово
До тебя, мой наивный папа...
Впрочем, всех нас от сытной столовой
Увлекает кошачья тропа...
Впрочем, хватит злословного соло,
Я – действительно дама, увы:
Первый признак прекрасного пола –
Язычок-не сносить головы...
Я свернусь в гуталиновый жемчуг
И хозяйке на ушко спою:
Принимай, уязвившая женщин,
Эту кару на шею свою...
Буду нежиться с вазой на шкапе
И в постели с твоим сорванцом,
А накажешь – пожалуюсь папе:
Защищай, коль назвался отцом...
Бедный папа с подшибленной лапой
/Сердце пискнуло мышкой в груди/,
От уколов слезами не капай –
Ты попробуй однажды роди...
И спасибо тебе за советы –
Может быть, пригодятся когда...
Может, нас и научат поэты,
Хвост поджав, превратиться в кота...

P. S.

Я твой конверт храню. В труху
Не изорву, играя рьяно.
Поклон за Бедного Демьяна,
Но – жду демьянову уху.

Атос – Муре

Не успел полюбить я сыночка –
И, пожалуйста, вот тебе на:
Не сыночек, выходит, а дочка,
То есть, вкратце, не «он», а «она»!

А куда ж, извините, доселе,
Очевидностям всем вопреки,
Котоводы-владельцы глядели –
«Хомо сапиенсы», знатоки!?

Я такого не ждал реприманда,
Я неделю ходил как чумной,
Вся кошачья окрестная банда
Потешалась, увы, надо мной.

Но сказал я: «Нет, плакать не надо!
Не печалься, Атос, не грусти:
Всё равно ведь – родимое чадо,
Плоть от плоти и шерсть от шерсти.»

О простор без конца и без края,
Без конца и без края мечта!
Узнаю тебя, дочь! Принимаю!
И приветствую взмахом хвоста!

АТОС

И снова Атос – Муре

Привет тебе, дочурка Мура!
Я не писал тебе давно,
Но что-то нынче слишком хмуро
Зима глядит в моё окно.

На стёклах грязные капли
Я замечаю поутру,
И на душе тоска, и лапы
Совсем не тянутся к перу.

А в довершение печали
Я часто думаю о ней –
О незабвенной чёрной Ляле,
Покойной матери твоей.

А ты сама теперь большая,
И, может быть, уже, хе-хе,
Тебе подумать не мешает
О миллом друге – женихе...

Но как-то мне тревожно всё же,
Когда подумаю о том,
Как мало нынче молодёжи,
Всерьёз достойной быть Котом.

На всех усатых и хвостатых
Какой-то детскости печать:

Весь век ходить бы им в котятках
И ни за что не отвечать...

Тебе желаю я сердечно:
Осуществи свою мечту,
И друга выбери, конечно,
По сердцу, а не по хвосту.

А я себе не изменяю:
Ем рыбку, сплю и вижу сны,
И потихонечку линяю
Здесь, в ожидании весны.

Не для того, чтобы растрогать,
А просто так, от всей души
Дарю тебе мой старый коготь.
Целую, дочь моя. Пиши!

Папа Атос

Отцу-слепцу /взрослеют дети.../
от милой дочери в декрете...

Ах папа, папа, – женихи
Остались в юношеском прошлом...
Они писали мне стихи
С томленьем трогательно-пошлым.
Но я мечтала не о том –
Не о любезностях дешёвых,
Давно помолвлена с котом
Из философских, камышовых...
Мой обожаемый Платон
Звонил, тревожа сердце мявом,
И был его зовущий тон
Залогом будущим забавам...
И, наконец, когда с тоски
Я стала в клочья рвать перины,
Мой друг прислал за мной такси
И нежный запах осетрины...
Мне сшили белую фату,
Я в ней прошлась перед гостями...
В пути она сползла к хвосту
И жемчуг брызнул под когтями...
Ах, не для наших гордых шей
Их человеческое чванство!
Хотя не ловим и мышей,
И впереди – вегетарьянство:
Пропал минтай, всё реже хек...
Но мой Платон – он всех заставил
Ловить, хватать когтями чек –
И бал тарелками заставил!
Я поняла: в квартире он –
Хозяин! Был старинной шубой
Нам пол накрыт...
...Мудрец Платон,
Увы, не знал, где хвост – где губы...
Всё целовал мои следы,

Учёной робостью измучил,
Водил смотреть на свет звезды
И, наконец, вконец наскучил...
Блеск чешуи солёных звёзд
Не утоляет – только дразнит...
Ужель тянуть кота за хвост?!
Упущен миг. Испорчен праздник.
Чего ещё мне было ждать? –
К родной кювете фаэтона,
Мурлыча: «...собственных Платонов...
Российская земля рождать...»

...А дверь соседская была
Чуть приоткрыта... Скрёбся Буся...
И я, как чёрная стрела,
Влетела...

Зря меня звала
Хозяйка – кот не в ейном вкусе:
И толстоват, и глуповат,
Собственнодачный многоженец,
Тщеславный вид, сметанный взгляд,
Ни дать ни взять – еврей-снабженец...
А я пласталась перед ним,
В кошачьей страсти обезумев, –
Так с каждой кочкой делит нимб
Разбушевавшийся Везувий!
Я привела его домой,
Шепнула: вот диванчик мой,
Вот стол мой письменный – входите...

И здесь, на письменном столе,
Как всадник, скачущий в седле,
Мы были счастливы, родитель!

О в эту ночь никто не спал
В знак солидарности с котами!
То фолиант, гремя, упал,
То ваза с вкусными цветами...
Что мне докучливый укор,
Что свято место стихотворства,
Когда – о сладостный укол!
Святой союз единоборства!
Не знаю, в чём моя вина –
Хозяйка дуться соизволит,
Ворчит, что даже и она
Себе такого не позволит...

Пускай завидуют котам:
Всегда – как Ева и Адам,
Первоначальный смысл предметов
Оспаривая у поэтов!

...Но после мурр-ля-мур-страстей,
Увы и мяу, – ждут детей...
(И я, увы, не исключенье).
Как видно, я уже – не та:
Во мне всё больше живота –
И меньше Бусей увлеченья...

Ещё могу добавить я,
Что всех беременность моя
Интересует и тревожит:
От Буси рыбку носят мне
Как добросовестной жене...
Платон звонит... И Васька тоже...
И сочинители хотят
Усыновить моих котят,
Зачатых на литературе,
Но посюсюкав день и два...
(Увы, слова, одни слова
В словоохотливой натуре...)

И я боюсь, что без прикрас
Грозит младенцам унитаз,
А мне – коварный нож хирурга,
Поскольку очень я кричу,
Когда к любимому хочу –
Стенают стены Петербурга...

На этом я, Атос, прервусь.
(Надеюсь, что развеять грусть
Мне удалось твою.) Решаю,
Какие дать им имена:
Шварц, Вакса, Клякса, Сатана... –
О Боже, кажется, рожаю!!!...???

P. S.
Атос, о сладостный КОТарсис! –
Тебя не посрамила дочь:
Во мне, как бусинки, катались
Котятта Бусины всю ночь...
И наконец...

Тушите свет!

О стыд восторженного стона:
Три чёрных – вылитый сосед
И три – как дым любви Платона...

В ночь 25-26.01.1983

Мура – отцу (накануне)

Должна тебе я сообщить, Атос,
Ужасное и странное известье,
(Мужайся, нюхай пепел папирос
хозяина...)

Подумать о невесте

Пора, навек покинутый отец...
Вдовец.

Нет больше Ляли... Подлая лиса!
Кто звал её к писательской обедне!..
Наверно, слухом полнятся леса,
Что зайцев здесь – на целый заповедник...
Хоть говорят: покойница – бела...
За кошкин род – о внутреннее жженье,
О вечный стыд! – Ведь ма всегда была
В изнеможеньи или в положеньи,

И значит, беззащитная с хвоста...
А хищники, увы, не только в клетке –
Они и в джунглях творческих нередки,
Им по душе курортные места...
Нет больше Ляли! Скромный обелиск
Ей не воздвигли. Очередь за папой
(Не в лапы лис, а облик обелить
Своею всепрощающею лапой...)

P. S.
Раз уж не было свечи
На скрещённых лапах,
Ты уж там похлопочи
О бессмертии, папа!
Хоть сиротская тоска
Лечится едва ли,
Но пускай висит доска
«ЗДЕСЬ БЫВАЛА ЛЯЛЯ»

Пусть запомнит молодёжь,
Как погибла мама...
(Я надеюсь, ты найдёшь
Блат и чёрный мрамор...)
И пускай глядит со стен
Творческого дома
Рядом с Тихоновым Н.
Чёрная Мадонна...

Мура

ПРИМЕЧАНИЯ К ДОПОЛНЕНИЮ К ПИСЬМУ ОТ 25-26/1-с.г.

1.
Спеша обрадовать отца
Я буквы лапами вминала,
Смахнув хвостом конец финала...
Лови за хвост финал конца:

(ПИЩАЩИЙ В СЛИЗИ И КРОВИ
ПЛОД ПЛАТОНИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ...)

– Отправив, вдруг перечитала.

.....

2.
Атос, ворча на молодёжь
(За коготь сломанный – спасибо),
Во мне поддержки не найдёшь:
Я не мяукаю, как рыба...
(А что касается любви –
Вообще готова разорваться)
Но ты коту мне назови
Котом достойного назваться...
Котята ждут, что посвятят их
В коты матёрые, а там...
Но, видно, выгодно котам

Котов придерживать в котятках
 До петухов, до третьих стуж;
 А ведь коты – не долголетки...
 Брюхатят кошек, пьют из луж
 И шкурой платят за объедки...
 Но словно с горней вышины
 Взирают, как в мехах и в теле,
 Мужских достоинств лишены,
 Коты мурлыкают в постели;
 Кто ж отвечать, скажи, готов,
 Да и с какой – подумай – стати,
 За то, что мафия Котов
 В хозяйской нежится кровати?
 ...Взамен трибун – помойный бак,
 А ты махнул хвостом на это...
 И лицемерны вздохи, как
 «Литературная газета»...
 Но встретив матью зарю,
 Прижав к груди молокососа,
 Твой коготь детям подарю –
 Не забывайте про Атоса...

Прости, Атос, под сенью муз
 Напоминанье о лишае,
 Но мой целующий укус
 Тебе линять не помешает...

Мур-р-р-р-ра

29/1.с.г.

И снова Мура – Атосу
 (По следам Катулла)

Может, Атос, благородный отец, заболел или умер?
 Или, как мышью, лизнувшей мышьяк, подавилась хвостатой обидой?
 Дочь свою, шерсть от шерсти, не поздравил...
 Она ж, котоматерь,
 В корчах родильных и то отвечала на письма Атоса...
 Позеленел виноград моих глаз от тоски и тревоги.
 Не отвечаю Платону, и Бусе, и Ваське, их мартовских арий не слышу.
 Как Серафим шестихвостый меня окрылили котятка.
 Я их кормлю, чтобы мудрость впитали, на книгах. (Сегодня легла на **Котулла**).
 Им уже месяц, а дед их, Атос, даже в ус почему-то не дует...
 Когти его затупились – не в силах отбить телеграмму?
 Дочерью, столь легкомысленной, сколь откровенной, Атос недоволен?
 Знать бы пора, что мадонны из шлюх вырастают...
 Киски в постелях мурлычат в усладу хозяйскому уху,
 Им и не снилось б/п (беспородное) гордое счастье
 Доблестных кошек с повадками уличных девок.
 (Как я теперь понимаю покойную маму...)
 Скоро в хорошие руки котят заберут. (Представляешь,
 Конкурс возможных хозяев – по два человека на хвостик!)
 Ты не поздравил меня, так тебя я поздравлю в отместку:
 С мартом, Атос, и успехов тебе в личной жизни.

И Мура, и внуки.

P. S.

О если б ты, Атос, родил,
Я, получив такую тему, –
Коту под хвост: роман! Поэму!
А ты – письмом не наградил...
Наверно, спишь в тени алькова,
Ворча на нынешних котят...
(Прости, легла на Фоякова...)
...Прости, котята есть хотят.
(Вот нам когда отцов корить? –
Детей рожать, детей кормить...)

Атос – дочери

Как летит моё время – ну просто спасения нет!
Не забьёшься под шкаф – против шерсти, проклятое, гладит:
Не успел оглядеться – и вот я теперь уже дед.
А возможно, и прадед. А может, уже и прапрадед.

Но душой – ты поверь мне, дочурка! – я молод, как встарь.
Всё бы письма писал! За одним лишь всегда остановка:
Ускользая от работы наладился мой секретарь –
То статья в «Литгазету», то, видишь ли, командировка.

Слышал я, что у Зои (немножко я с нею знаком)
Все коты на машинке печатают лапами сами.
Но пока что не смею я даже мечтать о таком:
Лишь сижу и смотрю на заветные буквы часами.

Я сижу и мечтаю, тихонько хвостом шевеля:
Научиться бы мне – я б такое тогда напечатал!
Мемуары о Ляле (француз бы сказал: «Оляля!»).
Наставленья – тебе. И, как дедушка, – сказки внучатам.

Но хозяин опять прогоняет меня со стола,
Сам к машинке садится, не видит меня и не слышит.
Всё дела, говорит, всё дела у него и дела,
А на самом-то деле – стихи непонятные пишет.

Впрочем, пусть его пишет и тащит в какой-то «Совпис»!..
Сколько с ним ни живу – всё никак не пойму человека!..
А меж тем со двора к нам доносятся возгласы кис,
Потому что открылась у нас во дворе кискотейка.

И такой за окном разливается солнечный свет,
Что меня поневоле, как в юные дни, лихорадит.
И не верится мне: неужели и вправду я дед?
А возможно, и прадед? А может, уже и прапрадед!?.

Атос

Мура – отцу

Как я рада, Атос, что ждала и томилась не зря!
В этой жизни, отец, нужно сделать великое что-то!
Увольняй же скорей нерадивого секретаря,
Если он не справляется с главным объёмом работы.

Укуси, наконец, – и отменится новый круиз,
И статья подождёт, и стихами пускай не морочит,
А вникает твоим... И мешками таскает в «совКис» –
То есть мне, например, или детям и родичам прочим...

Промелькнёт наша жизнь, как пугливая серая мышь,
Все газеты порвут на какие-то странные нужды...
Но останется мяв с восхитительных мартовских крыш,
Над которыми птички любят нас – и кружат...

Вот тебе и проблема – всё та же – детей и отцов...
(Всех котят разобрали, и я размышляю в постели)
...Объясни же своим, кто хозяин, в конце-то концов!..
И держи их, как я, в своём чёрном пружинистом теле...

Даже младший корпит (созидается «Мурный поток»)
Над главою, как я «вдруг однажды беременной стала»...
МемУРаы мои – это только тетрадный листок,
Но общественность 1-го «б» их с восторгом читала...

Лишь одно омрачает мои плодотворные дни:
Что бесплодны, увы, пируэты Эрота на тапках...
Но я так закричу, что Платона и Бусю они
На руках принесут; и на задних попрыгают лапках!

Мура

Атос – дочери

*Рецензия на пятисерийный фильм «Лялька» («Кукла»)
по роману Болеслава Пруса (Телевизия Польша)*

Хотя весна давно в природе –
Держусь за комнатный уют:
Фильм «Лялька» («Кукла» в переводе)
По телевизору дают.

Но всё, однако ж, как в тумане:
Картина, может быть, не та?
Хоть раз мелькнул бы на экране
Хоть кончик чёрного хвоста!

И эти маленькие лапки,
И ушки – чутки и черны...
Гляжу, гляжу – всё тряпки, тряпки,
Панёнки, пани и паны.

Граф разорён. Глядит печально,
С тоской покручивает ус...
Ах что-то, видно, изначально
Ты упустил, Болеслав Прус!

Подчас пикантную детальку
Покажут – что за ерунда!
Мне нужно Ляльку! Ляльку! Ляльку!
Вы ж обещали, господа!

Что ухмыляетесь эстетски?
Сказать хотите: я неправ?
Как это всё не по-шляхетски!
В конце концов, я тоже граф!

Атос Мурзиковски, граф де ля Фер

Мура – отцу

Атос, какой наивный пафос...
Хотя, признаться, и сама
В слепом котятстве попалась
На мушку тёртого Дюма:
И, вся дрожа, ждала Атоса,
Пушистый хвост и марку носа,
Боясь борзых, терпя актрис –
И что же?

    Был сюжет заверчен
Как в лапах – мышшь...

        Похитил вечер
Фигляр, гроза дворцовых крыс...
Незаживающая рана:
Двуногий хлыщ – герой экрана
Взамен почтенного отца...

Они украли наши роли,
И всё искусство запероли,
Лишив и сути, и конца...

Кто смотрит нынче в телеящик...
Всё – надувательство одно!
Родильни кошкиной образчик –
Многосерийное кино...

(И как у нас безвкусно ню
Внесли в духовное меню...)

А что касается до Польши –
Она ж провинции не больше,
Да и не дальше...

    Ох, Атос,
Дожил до вылезших волос,
А всё чего-то ждёшь с экрана,
Помимо скуки и обмана...

(Да и молчи, что «де ля граф» –
Оперативен телеграф...)

Какой там фильм рождён, облизан,
Свернулся, плакать перестал –
Зевнём...

    Для кошки телевизор –
Великолепный пьедестал!
Лежу, подставив спинку маю,
Божеств египетских живей...

А в титрах – снова – Соловей...*
(Конечно, врут, но – вдруг поймаю?!.)

Маркиса М.

* Имеется в виду Елена Соловей, актриса.

И СНОВА Мура – Атосу

Атос! Твой благородный слог
Меня всё больше покоряет.
(И как же скушно повторяет
Его хвалимый всеми Блок...)
Среди пушистой чепухи
В обвислоусой мелодраме
Твои прыгучие стихи
Посвящены Прекрасной Маме...
Какой крылатый взмах хвоста –
И красота, и простота!
И всепрощенье, и принятие
Любых укусов и невзгод...

...А у меня мероприятие
Такое, что – да будь я кот
Годов преклонных, – не снесла бы...
Но всё выносит пол наш слабый.
Представь: на мой прекрасный пол,
Где как на крылышках носима,
Такой вонючий дождь пошёл,
Что я решила: Хиросима...
А что касается клопа –
Беспозвоночная нирвана:
Спал как алкаш на дне дивана,
Не видя: ставят на попа...

О мяу, мяу, мой диван,
Ты мне взамен эпох и стран,
Восток, безвыездная виза –
Удобно, дешево, легко...

...За вредность едкого сюрприза
Мне сразу дали молоко.
И оценив опасность акции
(Я что увижу – то лижу),
В чужой покой эвакуации
Меня несли по этажу...
В любимой из хозяйских сумок
(В других – сервиз для разных дел...)
Меня сравнили с Иммой Сумак –
И носик мой похолодел
От злопыхательства соседей –
Из маек вылезших медведей...

...Чтоб ностальгии не бояться,
Садись к минувшему спиной...
Я села с важностью на яйца,
И все смеялись надо мной.

Напрасно:

Курицей – могу,
Мурлыкать же в чужом кругу –
Увольте... Вот что я хотела
Сказать. Не поняли меня...
Бесплодно ёрничало тело
До возвращенческого дня:
Клевало чёрную смороду
Чужим хозяевам в угоду,
Шипя, бросалось на трюмо...

И тут меня домой позвали
(О сборы блюдец, трали-вали...)
А там – Атосово письмо!

Отос! Атец! – смешались буквы,
Как слёзы встретившихся лиц!
Минтай! Да мне кислее клюквы
Малина их среди яиц!
Жизнь посвятить щипанью куры –
Какая дикая мура...
(Стр. 2. ВОЗЗРЕНЬЯ КОШКИ МУРЫ)
И – спать... (Пора, мой друг, пора...)

P. S.:

Атос, кислибрис твой
Мне машет лапой, как живой!
Его я нюхаю украдкой,
Ехидно щурясь, узнаю
Твою трибунную повадку
И жизнь диванную твою...

Атосу от Муры

РЫБАЙИ

(Подражание ОМАРУ)

* * *

Не люблю и боюсь пустобрёхов-собак:
Из-за них не проводишь любимых в кабак...
На крутом берегу для порядочной кошки
Замечательный друг – молчаливый рыбак...

* * *

Шевелит плавниками чудачка-плотва,
Хвостик бьётся в воде, на песке – голова...
Если ты на крючке червячка доедаешь –
И уха справедлива, и кошка права...

* * *

Эта килька себя возомнила звездой:
Полюбуйтесь – блестит чешуя под водой!

Но ещё серебристой консервная банка –
Хвастовство мелкоты обернулось бедой...

* * *

Мне хозяин, как стая, сказал: «Налетай!» –
Он сегодня поймал в магазине минтай.
Я люблю безголовую спинку минтая,
Как свои мяоизмы голодный Китай...

* * *

Почему-то двуногие любят икру.
Я такого глупца в образцы не беру.
Я любовью свой гемоглобин повышаю –
Это всем по карману, хвосту и нутру...

* * *

Отчего по ночам горлопанят коты?
Оттого, что не всем достаются киты...
Что с другими на лестнице дрючится кошка...
Наши страсти, увы, человечно просты.

* * *

Никого ты, Господь, не замысливал в брак:
Дышит рыбка – для кошки, для рыбки – червяк...
И омар под коньяк человеку по вкусу...
Для чего человек – не пойму я никак?..